

УДК 81.23

DOI: 10.26140/bg23-2020-0901-0081

## ТРАНСФОРМАТИВНАЯ ПРАГМАТИКА РИТМОЛОГИЧЕСКИХ ПРАКТИК

© 2020

AuthorID: 675873

SPIN: 2948-5300

**Шелестюк Елена Владимировна**, доктор филологических наук,  
профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания

ORCID: 0000-0001-6619-984X

**Шкарин Дмитрий Леонидович**, соискатель

*Челябинский государственный университет*

(454001, Россия, Челябинск, улица Братьев Кашириных, 129, e-mail: shkarindmit@yandex.ru)

**Аннотация.** В статье обсуждается система принципов трансформативной прагматики как области пересечения прагматической лингвистики, коммуникативной прагматики (дискурсивного анализа) и психолингвистики. В основе выделения предмета исследования рассматривается концепт трансформативного акта как самостоятельного вида речевых актов. Предметное содержание трансформатива раскрывается на материале речевых практик ритмометода 7P0, являющихся образцами подобного рода дискурса. На примере ритмологических практик показаны возможности и условия осуществления комплексного преобразования внутренней и внешней среды существования с помощью специально выстроенных процедур перевода семиотических форм естественного языка на субстанциональные языки времени. Разобраны некоторые основополагающие правила синтагматического связывания знаковых форм. Уделено особое внимание психолингвистическому различению номинативной и регулятивной функций речи, задающему специфику трансформативного акта как оператора преобразования реальности. В заключении статьи подчеркнута методологическая значимость обращения исследовательского внимания к изучению живых образцов развивающихся семиотических систем, построенных на основе аутентичных онтологий, отличающихся от общепринятой картины мира, доминирующей в современных дискурсивных практиках.

**Ключевые слова:** дискурс-анализ, перформатив, трансформатив, прагматическая лингвистика, ритмология, знак, знаковая система, регулятивная функция речи.

## TRANSFORMATIVE PRAGMATICS OF RHYTHMOLOGY PRACTICES

© 2020

**Shelestyuk Elena Vladimirovna**, doctor of philology, professor of the Chair  
of Theoretical and Applied Linguistics

**Shkarin Dmitry Leonidovich**, applicant

*Chelyabinsk State University*

(454001, Russia, Chelyabinsk, Kashirin brothers street, 129, e-mail: shkarindmit@yandex.ru)

**Abstract.** The article describes the system of principles of transformative pragmatics as an interdisciplinary field of intersection of pragmatic linguistics, communicative pragmatics (discourse analysis) and psycholinguistics. The concept of transformative act as an independent type of speech acts is considered in the basis of the subject area of research. As a subject of analysis to understand speech practices ramonette 7P0, are samples of this kind of discourse. For example, rhythmology practices, the possibilities and conditions for the implementation of the integrated transformation of the internal and external environment of existence with the help of specially constructed transfer procedures semiotic forms of natural language on the languages substantial time. Dismantled some of the fundamental rules of analysis paradigmatic and syntagmatic linking of symbolic forms. Special attention is paid to the psycholinguistic distinction between nominative and regulatory functions of speech, which defines the specifics of the transformative act as an operator of reality transformation. In conclusion, the article emphasizes the methodological importance of the research attention to the study of living samples of developing semiotic systems, built on the basis of authentic ontologies, different from the generally accepted picture of the world, dominant in modern discursive practices.

**Keywords:** discourse analysis, performative, transformer, pragmatic linguistics, rhythmology, sign, sign system, regulatory function of speech.

*Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами.* В данной статье предпринят анализ метода 7P0, разработанного Е.Д. Лучезарновой в качестве новой комплексной научно-практической дисциплины, с позиции прагматической лингвистики. Отправным пунктом исследования нам служит концепт «трансформатив», примененный М.Н. Эпштейном [1, с. 472] для обозначения тех речевых действий, которые в момент произнесения необратимо меняют онтологическую ситуацию тех, кто их осуществляют. В категориальную сетку концепта вовлекаются три концептуальные линии: 1) линия трансформационной грамматики Н. Хомского, выявляющая глубинные уровни порождения синтаксических структур, 2) линия семиотической трансформации, наиболее отчетливо проявленная в исследованиях логики порождения нарративных структур в модели А. Греймаса и 3) линия прагматического анализа перформативных речевых действий, развитая в аналитической теории речевых актов Д. Остина [2; 3]. Мы отталкиваемся от понимания, что пересечение перечисленных линий носит не случайный характер, а продиктовано самой деятельной сущностью речевого действия, отраженной в объективированных языковых формах, что и задает единство

трансформативных процессов. В дальнейшем анализе мы используем понятие трансформативная прагматика, подразумевающая систему целостного осмысления речевых действий, ориентированных на онтологическое изменение жизненной ситуации участников коммуникативной ситуации. В расширенном нами контексте трансформатив может быть интерпретирован как разновидность перформативных речевых актов, рассматриваемых в теориях аналитической лингвистики, но с существенными уточнениями самих параметров коммуникативной ситуации. Подробный разбор этих параметров уже проводился нами в статье «Аффирмация, молитва, ритм в контексте прагматической лингвистики» [1, с. 86-99]. Здесь же отметим, что в сжатом виде перечень отличительных характеристик трансформативного акта сводится к трем ключевым принципам:

1. *Непосредственное воздействие слова на мир*
2. *Принадлежность слова языку самого мира*
3. *Онтологическое отличие знаков-символов этого языка от знаков-символов языков формально-логических систем*

1. Первый принцип /Непосредственное воздействие слова на мир/ выводит нас за рамки антропоцентрической перспективы, предполагающей возмож-

ность воздействия речи только на человеческий разум. Коммуникативная ситуация понимается как освобожденная от антропоцентрических ограничителей и разомкнутая в направлении всех уровней бытия. В роли участников взаимодействия могут выступать любые субстанции и сущности, обнаруживаемые в картинах мира, лежащих в основаниях локальных дискурсов. Этим пунктом преодолевается и классическое понимание коммуникативной ситуации как процесса приема и передачи информации между компетентными участниками взаимодействия. Иными словами, происходит отход от когнитивной парадигмы, рассматривающей коммуникацию через метафору кодировки, декодировки и обработки информации внутри интеллектуальных систем. В трансформативной прагматике коммуникация предстает как порядок команд, возбуждающих и тормозящих любые происходящие в мире процессы. Здесь в большей степени работает метафора регулировщика, координирующего перекрещивающиеся потоки движения. Тем самым расширяется и традиционная семиотическая трактовка знака в модели семантического треугольника Фреге. В результате номинативная функция речи, заключающаяся в именовании предметного содержания мира, отходит на второй план относительно регулятивно-волевого потенциала речи, реализующегося в непосредственном изменении всего состава жизненных ситуаций при использовании самых разнообразных средств, вовлеченных в речевой контекст. При этом, подчеркнем еще раз, на момент осуществления трансформативного акта активируются и могут подвергнуться трансформации любые элементы ситуации без исключения: акторы, вещи, знаковые формы, тематические содержания, предметы и контексты коммуникации. Эта акцентировка показывает, что предложенное Ч. Моррисом деление семиотики на синтаксис (знак-знаковая система), семантику (знак-предметный мир) и прагматику (знак-человек) не только переосмысливается в пользу прагматики, но и сама прагматика понимается в новом качестве как влияние речи и на предмет, и на человека, и на саму знаковую систему. Так, например, семантическое отношение знак-объект теперь рассматривается не в направлении от объекта к знаку как отражение объекта, а в направлении от знака к объекту как преобразование объекта.

2. Второй принцип *Принцип принадлежности слова языку самого мира* выводит нас за рамки социотрической перспективы. Условиями эффективности коммуникативного акта становится сам орудийный и операциональный состав трансформатива, поскольку соотношение иллюкативной цели (предполагаемого эффекта речи) и перлокутивного результата (достигнутого эффекта) задается не промежуточными параметрами ситуации, такими как психологические установки участников, когнитивные фильтры и знаковые конвенции, а самой логикой трансформативного акта, осуществляемого на языке мира. Это принципиальный пункт, так как здесь нивелируются традиционные семиотические представления, - наиболее жестко проявленные в сосюрговской лингвистике, - относительно социальной условности и конвенциональности знака. То есть, если в предыдущем пункте размыкается антропоцентрическая установка, то данный пункт выводит язык за пределы социума как такового. Отметим, что тезис о мотивированности знака весьма распространен в современной семиотике и реализуется во множестве альтернативных теорий, сводящих знак и предмет по многим основаниям: либо в отношении к праязыку как трансцендентному источнику речи (языковые игры в лингвистике Н.Н. Ваткевича), либо в отношении к эволюционным универсалиям, синхронизирующим духовный и материальный планы бытия (И.А. Бескова), либо в отношении физических и психологических параметров озвучиваемых мыслемоформ (Б.Ф. Поршнев, И.Ю. Черепанова, Н.И. Жинкин, А.Н. Павленко). Вне зависимости от способа сущностного обоснования механизма трансформации в концеп-

ции трансформативов постулируется возможность непосредственного воздействия речи на живую и неживую материю, т.е. на самые разнообразные материальные и идеальные процессы и явления действительности.

3. Третий принцип раскрывает отнологическое отличие языка мира от языков формально-логических систем. В рамках семиотического треугольника знак смыкается с понятием логического символа как условного обозначения, принятого в логико-математической аналитике. К примеру, А. Соломоник в своей популярной классификации знаковых систем на вершину семиотической пирамиды ставит символ в качестве переменной функции, закладывая тем самым в основания принцип повышения степени абстрактности знака [4]. Трансформативная прагматика восстанавливает иной философский смысл символа, высвечивающего в конкретном единичном явлении его всеобщую универсальную сущность как уникального и необходимого события. При этом для проявления символа совершенно безразлична его форма, будь это вещь, мысль или слово. Здесь нет возврата к избирательности или индексированности знака в понятиях Ч. Пирса. По сути, речь идет о двойной референции символа, на которую указывал А.Ф. Лосев, говоря о том, что символ не просто отсылает к бесконечному числу конкретных индивидуальностей, но одновременно сам же и является законом их порождения [5, с. 109]. Реализацией подобного понимания является трактовка универсальных сил эволюции в концепции И.А. Бесковой: «то, что формируется на уровне замысла (на уровне универсальных сил), и то, с чем мы повседневно сталкиваемся в нашем физическом мире, – это одно и то же: не фигурально, не метафорически, не в том смысле, что первое является прообразом, прототипом второго (т.е. по логике происхождения). Это буквально одно и то же, одна и та же сущность. Но в первом случае в том виде, как она явлена в мире форм (универсальных сил, замыслов, сакральных образов – назовите как угодно), во втором – как она явлена в физическом мире» [6, с. 7].

Иными словами, в символе достигаются не искусственные, заранее сконструированные содержания (вне зависимости от индивидуального или социального их происхождения), а, наоборот, объективная значимость события открывает сознание человека навстречу себе. Так совершается эволюция разума в рамках объективной диалектики, где открытие не смешивается с изобретательством, т.е. инструментальный подход к миру не заменяет творческий диалог с универсумом. Подобная инверсия отношения человека и знака-символа ясно подмечена Павлом Флоренским в феномене восприятия иконы: «Икону должно или недооценивать, сравнительно с ходячим позитивистским полупризнанием, или переоценивать, но ни в коем случае не застревать на психологической, ассоциативной ее значимости, т.е. на ней, как на изображении. Всякое изображение, по необходимости символичности своей, раскрывает духовное содержание свое не иначе, как в нашем духовном восхождении «от образа к первообразу», т.е. при непосредственном соприкосновении нашем с самим первообразом; тогда, и только тогда чувственный образ наливается соками жизни и, тем самым, неотделимый от своего первообраза, делается уже не «изображением», а передовой волной или одной из передовых волн, возбуждаемых реальностью» [7, с. 49]. Изложенные принципы в своей совокупности образуют специфическую теоретико-методологическую призму трансформативной прагматики, выделяя ее из общего массива семиотических теорий, базирующихся на формальной логике информационного подхода. Это существенно расширяет диапазон дискурсивных ситуаций, обычно либо ускользающих от прагматической лингвистики, либо получающих предвзятую интерпретацию как рудиментов прагматического, мифологического мышления. Соответственно, изменяется и сфера приложения семиотического анализа в целом.

Теперь мы можем перейти непосредственно к ритмо-

методу 7P0 с учетом сформулированных принципов.

Поскольку ритмометод 7P0, являясь объемным организованным комплексом исследовательских и прикладных дисциплин, опирающимся на собственную оригинальную картину мира, вкратце обозначим ее ключевые моменты. Реальность здесь описывается в классических категориях пространства, энергии, информации и времени. Отличительной особенностью данной онтологии является постижение времени в особом управляющем и субстанциональном статусе. Человек в этой картине мира предстает как звено в эволюции разума, выстраивающего ряд последовательных форм, образующих вертикальную иерархию. Кроме этого, человек выделен на земле как единственная жизненная форма, способная к сознательному использованию субстанции времени за счет своего продвижения по эволюционным ступеням разума к субстанции чистого времени. Инструментом продвижения является ритмометод 7P0, как система практик работы с различными формами времени. Сами практики построены на материале специфических знаковых систем, которые являются проявленными носителями субстанции времени. С учетом этого момента и становится возможна концептуализация ритмометода 7P0 в рамках трансформативной прагматики как она была представлена выше.

Для начала интересно отметить, что Е.Д. Лучезарнова тоже использует перформативный подход, описывая естественные способы использования речи в метафоре трех звуковых струн мозга. Мы уже указывали, что трансформатив является разновидностью широкого спектра речевых действий, традиционно выражаемых в соответствующих глаголах-перформативах (приказывать, советовать, обвинять, обещать и т.д.). Первая струна мозга в концепции Лучезарновой называется «указ-каз» и в чистом виде соответствует вопросительному перформативу, являющемуся в своей структуре указанием на недостающую информацию и запросом соответствующего ответа. Таким образом, первая струна характеризует речевые акты со значением ментальных действий. Вторая струна «рассказ-наказ» соответствует утвердительному перформативу, являющемуся обычным описанием, нарративом, что реализует коммуникативную функцию речи как обмена информацией и ее оценкой в общении. Третья струна «приказ-показ» соответствует директивному перформативу, проявляющемуся непосредственно в управляющих речевых актах, и соотносится с регулятивно-волевой функцией. Таким образом, в естественной речи мы встречаем три основные речевые функции, перевязанные со всеми известными группами перформативов: ментальные действия, фатические и регулятивные. До этого момента действуют привычные лингвистические модели, детально прописывающие структурную логику осуществления каждого отдельного речевого акта внутри выделенных групп. Качественные изменения начинаются в момент непосредственного перехода к методу 7P0, так как внутри него перформативные речевые акты сменяются трансформативами, имеющими собственную специфичную структурную логику.

Исходный тип трансформативного акта мы встречаем в базовой практике *чтения ритма*, представляющей собой различные способы декламации специальных текстов, в которых содержится субстанция времени. С точки зрения обычной перформативной логики речевых актов *чтение ритма* представляет речитативный акт, иллюкутивные цели которого могут располагаться в широком диапазоне от механической тренировки памяти до экзистенциального вживания в смысл текста. Трансформативная же логика *чтения ритма* предполагает подключение мозга к субстанции времени, что непосредственно влияет на онтологическую ситуацию человека, поскольку ресурс времени определен как главный управляющий фактор во всей иерархии бытия [1]. А так как время в этой онтологии обладает способно-

стью организации остальных измерений (пространства, энергии и информации), то перлюкутивный эффект от чтения ритма распространяется на всю сферу бытия. Соответственно, ритмологическая компетенция сводится к развитию специальных навыков считывания этого эффекта как отклика бытия на ритм и располагается в последовательности: *выбор ритма - чтение ритма - считывание эффекта*.

Следующий вид трансформативного акта мы встречаем в практике *переизлучения*, являющейся системообразующей для всего метода в целом. Здесь операциональный состав действия значительно усложняется, так как подключаются дополнительные знаковые системы, требующие выполнения точных семиотических процедур. В состав практики вводятся дополнительные алфавиты, построенные по алфавитному принципу естественных языков. В семиотической школе Ю.С. Степанова алфавитные системы рассматриваются в качестве важнейшей константы мировой культуры, значение которой заключается не столько в закреплении письменного начертания звуков устного языка, сколько в полномасштабной интеграции мирового порядка на всех его уровнях. Степанов указывает на три системообразующих семиотические нити, сходящиеся в системе алфавита. Первая нить восходит к концепту «мировой порядок» в др.-инд. *ṛta* и «священный порядок, ритуал» в лат. *ritus*. Вторая нить связывает концепт «число» и концепт «ритм, ритма» в нем. *reim*, восходящим к др.-гр. *rythmos*. Таким образом, смыслы перевязываются как «порядок в движении, течение порядка». Третья нить образует концепт «буква», соединяющий в себе пересечение нескольких смыслов: 1) тень от солнечных часов, 2) буква с точки зрения ее звукового достоинства. 3) первоначало, первоэлемент [8, с. 73]. Подобная же реконструкция алфавита как модели мироздания в первичном языке и связь его с календарным вращением священного года в древнеиндийской символике двенадцатиспицевого небесного колеса «*ṛta*» представлена и в работах Германа Вирта [9, с. 286]. Многие исследователи алфавитов сходятся и в том, что понятие «элемент» образует свою форму соединением букв L M N, занимающих срединное 12-ое, 13-ое и 14-ое место в ряду из 25 знаков латинского алфавита. Эти и многие другие наблюдения указывают на то, что порядок мира и порядок языка интегрированы в алфавите в единое целое [8, с. 77]. Этот же принцип двойной референции воплощен и в алфавитных системах ритмометода 7P0, субстанционально соотнесен с временными полями, понимаемыми как уровни актуализации ритмов-времени. Трансформативный акт *переизлучения* предстает как перевод знаковых форм исходных языков на субстанциональные языки времени с использованием специальных алфавитов. Сами же алфавиты интегрируют в себе: 1) порядки мира (например, Хладастейное поле, Радастейное поле, как субстанциональные наполнения внутри пространственных и временных вселенных и соответствующие языки Хладастей и языки Радастей), 2) собственно субстанциональные элементы этих вселенных, являющиеся одновременно элементами языков вселенной (например, хладастейное поле задает три плана материальной плотности, представленное языками Циклохладаит, Номерной Хладавит и Ритмохладаит, в котором выделены отдельные хладастей как целостные субстанции этих порядков), 3) числовые ряды как порядки следования мест и взаимосвязи элементов. При этом двойная референция алфавитных порядков находит свое воплощение в парадигматической и синтагматической логике построения самих алфавитов [9, с. 335].

Синтагматическая логика в традиционных алфавитах проявляется в акростихах алфавитных текстов и в вертикальном чтении алфавитов как акрофонов, составленных по первым буквам имен. Субстанции языков ритмометода 7P0 также имеют синтагматические развертки. Так, например, каждая Хладастей на языках Хладавит проявлена отдельным текстом, но и чтение текстов Хладастей



в порядке их следования задает собственную синтагматическую развертку целостного плана Хладастейного поля.

Парадигматические связи в традиционных алфавитах задают серии для упорядочивания и элементов языка, и элементов самих миропорядков. В древних алфавитах встречаются сериации животного, растительного мира и т.п. В ритмометод 7P0 сериация порядков мира задается собственным характером субстанций, например, язык Номерной хладавит организует информационные порядки, Циклохладавит – энергетические. Кроме того, из элементов-субстанций формируются синтагмы второго порядка, создающие новые субстанции как отдельные высказывания на соответствующих языках. Так, в ритмометод 7P0 задаются различные матричные субстанции, общие и личные имена, как координаты в соответствующих субстанциональных полях. Да и само *переизлучение* с точки зрения трансформативной прагматики предстает в операциональном плане как аналитическое преобразование семиотической формы естественного языка за счет разделения исходного слова до звуко-буквенного состава и последовательный перевод парадигм исходного языка в новые парадигматические ряды специально подобранных языков *переизлучения*. Само же *переизлучение* как трансформативный акт представляет собой прочтение языковых субстанций по заранее определенным синтаксическим правилам образования новых синтагм (например, синтаксис коммутации-вычитания, приближения-отдаления, уплотнения-разуплотнения, связывания-разделения и т.п.).

Коснемся более детально вопроса синтаксиса трансформатива или правил образования синтагм. Поскольку логика составления синтагм задает логику преобразования мира, то правила синтаксиса имеют ключевое значение для понимания логики самой трансформативной прагматики. Иными словами, синтаксические операции в этой логике являются формами непосредственного преобразования субстанций: например, операция коммутация-вычитание, задаваемая на языке Циклохладавит, осуществляет уплотнение и разуплотнение материальных форм проявленной вселенной и т.д. Таким образом, мы получаем двойное соответствие выделенных парадигм исходной языковой формы: типу языка и типу материальной трансформации [10, с. 339-344].

Таблица 1 – Правила преобразования

Исходная синтагма	Деление на грамматические разряды (части речи)	Уровень материальной плотности трансформации	Календарные языки	Языки ритмического времени
Призвечье коллективных сотрудников	Глаголы призвечья	максимальный	Циклохладавит	Опоры хладавит
	Прилагательные коллективных	минимальный	Номерной Хладавит	Опоры радатеид
	Существительные коллективных	средний	Ритмохладавит	Опоры ритмохладавит

Из приведенного примера становится ясно, что в трансформативах онтологической значимостью наделяется вся система семиотических различий. При этом любопытно, что в психолингвистике именно за глагольными формами закреплена первичная семантическая значимость любых словоформ как в исторической перспективе возникновения речи, так и в индивидуальном ее освоении. Под глагольной формой здесь понимается не семантическое отражение процессов действительности, а деятельный характер самих словоформ как инициаторов активности. При обращении к широкому контексту психолингвистических теорий мы обнаруживаем, что многие исследователи регулятивно-волевой функции речи отмечают: трансформативный синтаксис лежит в самих истоках онтогенеза речи. Так, например, Б.Ф. Поршнев возводит эволюцию человеческого поведения к развитию способности торможения естественных, первосигнальных реакций запретительными командами (интердикции) и надстраиваемыми над ними суггестивными командами. При этом обмен командами, согласно этой теории, диффузен, как относительный

предметного содержания (отсутствие фиксированного семантического значения), так и относительно объекта воздействия (им может быть и человек, и особь другой популяции, животное и т.д.). Весь спектр значений речевых сигналов размещен вокруг процессуальной оси «торможение действия – торможение торможения действия» (отогнать-приманить, отказать-разрешить, остановить-запустить) [11, с. 354]. Сами же воздействия первоначально имеют внешнюю направленность и в основном, за рамками локальных социаций, адресуясь представителям других популяций. Любопытно, что и концепция Н. Марра при всей ее неоднозначности содержит гипотезы, до сих пор привлекающие внимание лингвистов, о возможностях межвидовой коммуникации, что свидетельствует в пользу регулятивных, а не дескриптивных значений первослов. Отсюда же происходит интерес к исследованию мотивированности многих фонем звуковыми комплексами приманивающих-отпугивающих команд (к-ш-ш, кис-кис). Наибольшее развитие идея относительной независимости регулятивных-волевой и номинативной функций получила в рамках культурно-исторической школы психологии Л.С. Выготского. В частности, А.Р. Лурия, отталкиваясь от идей Б. Скиннера с его разведением прагматического («-манд») и коммуникативного («-такт») аспектов речи, подтвердил на уровне нейролингвистических исследований независимость функциональных систем, отвечающих за целенаправленное и познавательное поведение: «первым этапом развития регулирующей функции речи, т.е. функции речи, т.е. функции, лежащей в основе произвольного поведения, является умение подчиниться речевой инструкции взрослого» [12, с. 147]. Понятно, что в развитых формах речевого поведения отмеченные функции сходятся и образуют семантически значимые формы трансформативного синтаксиса. Вторичную рефлексию данного синтаксиса мы можем видеть, например, в разработках парижской школы семиотики. А. Грейсмак формирует полную *модель трансформации*, как порождающей структуры нарративного текста, в форме семиотического квадрата, где отражены инверсии бинарной оппозиции в расширенной четырехчастной структуре: объект – антиобъект – не-объект – не-антиобъект. В результате чего мы получаем вариативную логику трансформаций. Модель оказывается приложимой не только к нарративному тексту, но позволяет анализировать логическое устройство множества видов речевых актов. В частности, Д. Вайткявичене применяет ее к нарративной структуре литовских заговоров, что позволяет конструировать альтернативные виды комбинаций:



Рисунок 1 – Логика трансформации

Соответственно, логика трансформации в заговорах на здоровье может задаваться как приглашением здоровья с целью замещения не-здоровья, так и отделением болезни с переходом в не-болезнь, возможно и полное сочетание этих линий внутри одного заговора [13, с. 377].

По этой же логике в ритмометод 7P0 мы можем отслеживать все возможные линии трансформации в практике *переизлучения*. Например, внутри хладастейного поля:

Таблица 2 - Операторы преобразования

Язык переизлучения	Операторы проявления	Операторы снятия	План перлюктивного эффекта
Циклохладавит	Плюс	Минус	Энергии
Номерной хладавит	Близь	Даль	Информация
Ритмохладавит	Глия	Блокатор	Пространство

Далее, продвигаясь по структурным уровням метода, мы находим языки более высоких порядков, управляющие структурами нижнего уровня. Усложняются и

правила трансформативного синтаксиса: *переизлучение* производится внутри ритмов, между языками и т.д. [14]

Таким образом, анализируя практику *переизлучения* в ритмометод 7P0 в рамках трансформативной прагматики, мы обнаруживаем многоуровневую систему семиотических преобразований:

*подбор формулировки как образование синтагм на исходном языке, задаваемый системами правил трансформативной прагматики (например, правила жестких формулировок, правила подбора ритмов по словам-организаторам, правила подбора ритмоформулировки и т.д.) – вычленение парадигм из исходной формулировки (например, извлечение слов по частям речи, извлечение отдельных букв и т.д.) – подбор языков перепроцесса – чтение парадигм на подобранных языках и образование новых синтагм по правилам трансформативного синтаксиса – наполнение синтагм дополнительными преобразованиями, связанными с ритмологическим контекстом (подключение дополнительных ритмов, субстанций, фильтров, ориентиров, задающих точное направление и параметры трансформации) – считывание эффекта.*

При этом заключительный такт трансформативного акта (считывание эффекта) сам по себе требует отдельного разбора, поскольку за рамками конвенциональной ситуации обычной коммуникации становится не совсем очевидным, что считать откликом. Усложнение процедур осуществления трансформативного акта влечет за собой не менее сложные требования к фиксации перлокутивных эффектов, которые задаются как логикой осуществленных преобразований, так и целостным контекстом реализации перлокутивных эффектов. Это требует развития умения дифференцировать знаковый отклик в пространстве и времени с опорой на множественные параметры среды, иными словами развивает особые герменевтические навыки «чтения мира как теста». В связи с этим одним из ключевых моментов ритмометода 7P0 становится разработка концепта Знак, радикально отличающегося от семиотического понятия знака. Мы находим целый семантический куст смежных концептов: предзнак, подсветка, подсказка, не-знак, антизнак, собственно, Знак. По сути, Знак вбирает в себя значение живого проявленного ритма в самих явлениях этого мира или, другими словами, онтологического отклика самой реальности. Поскольку же, как мы отмечали во введении, работа со знаком требует особой настройки сознания, духовного восхождения до первообраза, то трансформативная прагматика с необходимостью включает в себя вопрос и о преобразовании самого актора в процессе осуществления трансформативного акта. Вкратце зафиксируем наиболее существенные направления этих преобразований личности:

1. Развитие особой чувствительности к проявлениям реальности, заключающееся в умении вычленять из себя позицию наблюдателя, дистанцированного от событийного потока. При этом дистанцирование предполагает не отстранение от ситуации, но и не простое наблюдение за ней, а внимательное наблюдение за самим наблюдением, на что в ритмометод 7P0 делается особенный упор. Поскольку отклик реальности происходит на ее собственном языке, то естественно, любые предположения наблюдателя становятся скорее померками, нежели помощниками, так как захватывают стереотипные реакции из наличного опыта.

2. Формирование экологичного отношения к собственным ментальным и психоэмоциональным процессам, поскольку наблюдатель сам является откликом в единой системе универсума. «Цель Ритмологии – сделать тело лакмусовой бумажкой, определителем параметров среды» [10, с. 157]. В этом плане в ритмометод 7P0 выстраивается понимание равноценного диалога человека и Вселенной, что предполагает прежде всего раскрытие и совершенствование человеком своих внутренних потенций. Постепенно система практик метода

превращается в систему трансформации самого разума, раскрывающегося как соразмерность планам мира, проявленных на соответствующих языках вселенной. Таим образом, практика диалога становится неотделима от эволюции разума.

3. И наиболее важным следствием трансформации становится осознание разомкнутого процесса преобразования, поскольку диалог не предполагает прихода к статичной, конечной форме. Метафорически этот момент схватывается как открытость опыту невероятности, что означает возможность раскрытия все новых непредсказуемых планов бытия, бесконечную трансформацию разума.

Итак, мы совершили определенный опыт концептуализации трансформативной прагматики. В качестве предмета был выбран ритмометод 7P0, так как в этой системе мы встречаем не только методологическую программу, но и реальное осуществление комплексной практики преобразующего диалога с миром, что представляет огромную научную ценность как живой образец развития трансформативного дискурса. В этом плане мы солидарны с позицией Д. Миронова, заявленной в тезисах доклада научно-практической конференции «Института ритмологии Лучерновой Евдокии» 25 - 26 апреля 2019 г., о возможности выделения ритмосемиотики как отдельной дисциплины для систематического изучения внутренних закономерностей метода и накопления эмпирических данных об условиях их эффективного использования. В рамках этой дисциплины трансформативная прагматика очерчивает методологические перспективы исследования логики реализации трансформативных актов. Наблюдение за развитием ритмометода наводит на мысль об автопоиске подобного рода целостных систем, представляющих собой живую саморазвивающуюся ткань в рамках внутренних рекурсивных ритмов самовоспроизводства. При этом, если пользоваться языком фрактальной семиотики, мы всегда находим здесь два плана развития: динамика саморегуляции (внутреннее самоопределение системы) и динамика инореференции (описание картины мира с точки зрения этой системы). Включение же в анализ изучения системы трансформативных действий, стоящих в основе этой динамики, позволяет строить целостные модели функционирования подобного рода систем.

Завершая статью, снова вернемся к заявленным принципам трансформативной прагматики. В связи со специфичностью выделенного типа речевых действий встает вопрос об актуальных областях проявления эмпирического объекта исследования. Традиционная прагматическая лингвистика, ориентируясь на образцы обыденных и системных дискурсивных ситуаций, невольно ограничивает себя рамками доминирующей в современном обществе информационной парадигмы, совмещающей в себе антропоцентрические и социоцентрические установки. Образцы же иных видов дискурса берутся либо как артефакты глубокого прошлого (мифологические памятники, магические практики заклинаний и т.п.), либо относятся к случайным рецессивам этого прошлого в маргинальных субкультурах (новояз эклектических культов). Существуют и попытки разработки проективных семиотических систем, примерами чего служат оригинальные разработки новых концептов в работах М.Н. Эпштейна, концепция антиязыка А.С. Нилогова, риторическая теория числа С. Е. Шилова [15, 16, 17]. Но по своему пафосу подобные проекты больше напоминают игровые методологические манифесты в рамках ситуации after-постмодерн, чем действительные ростки новых парадигм. Поэтому исследование уникальных образцов живой эволюции семиотических систем, действующих в режиме реального времени, имеет большое значение для развития лингвистических наук и гуманитарного знания в целом.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Шкарин Д.Л., Шелестюк Е.В. Аффирмация, молитва, ритм как

дискурсивные практики: прагмалингвистический анализ. «Культура и цивилизация» Том 9. №1А, 2019. С. 86-89.

2. Греймас А.Ж., Фонтань Ф. Семиотика страстей. От состояния вещей к состоянию души. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. 336 с.

3. Серль Д. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. М., 1986. С. 151–169.

4. Соломоник А.Б. Язык как знаковая система. М. URSS. 2010. – 224 с.

5. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Искусство, 1995. – 320 с.

6. Бескова И.А. Эволюция и сознание: когнитивно-символический анализ. М., 2001. – 268 с.

7. Флоренский П. Иконостас. Избранные труды по искусству. СПб.: Мифрил, Русская книга, 1993. – 365 с.

8. Степанов Ю.С., Проскурин С.Г. Константы мировой культуры. Алфавиты и алфавитные тексты в периоды двоеверия. М.: Наука, 1993. – 156 с.

9. Дугин А.Г. Знаки Великого Норда: Гиперборейская теория. Издательство: М.: Вече Год: 2008 – 320

10. Лучезарнова Е.Д. Откровенное знакомство, том 3. СПб: Ритмовзлёт, 2015. – 416 с.

11. Поришев Б.Ф. О начале человеческой истории. Проблемы палеопсихологии. СПб.: Издательство: Алетейя, 2007. – 714 с.

12. Лурья А.Р. Язык и сознание. М: Издательство МГУ, 1998 – 336 с.

13. Вайткявичене Д. О нарративной структуре литовских заговоров // Заговорный текст. Генезис и структура. М.: «Индрик», 2005. – 520 с.

14. Лучезарнова Е.Д. Внутри разума. СПб: Ритмовзлёт, 2015. – 48 с.

15. Нилюгов А.С. Философия антиязыка. СПб.: Алетейя, 2013. – 216 с.

16. Шилов С.Е. Риторическая теория числа. М.: ЛЕНАНД, 2013 – 800 с.

17. Эпштейн М.Н. Проективный словарь гуманитарных наук. М.: Издательство: Новое литературное обозрение, 2017. 1100 с.

18. Вашкевич Н.Н. Системные языки мозга. М.: Библиотека расовой мысли, 2002. – 400 с.

19. Павленко А.Н. Пределы intersубъективности (критика коммуникативной способности обоснования знания). – СПб.: Алетейя, 2012. – 280 с.

20. Тарасенко В.В. Фрактальная семиотика М.: Либроком, 2009. – 232 с.

Статья поступила в редакцию 15.11.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020